

РЕУТСКИЙ Пётр Иванович родился в 1927 году в селе Михайловское Павловского района Воронежской области в семье полного Георгиевского кавалера Ивана Петровича Реутского, мать Вера Федоровна была домохозяйкой. В тридцатые годы семья была раскулачена и сослана на вечное поселение в Якутию, где прошло детство будущего поэта. Его первое стихотворение было напечатано в газете «Алданский рабочий», когда он учился в четвертом классе. В пятнадцать лет самовольно уехал из дома в Якутск. Но в 1949 году Петр Реутский вернулся на родину, к родителям, освобожденным из ссылки. В пятидесятые годы семья переехала в Иркутск, где жила одна из его старших сестер. Молодой поэт начал активно печататься в газетах и альманахах. В 1956 году вышла первая книжка стихов для детей «*Великаны*», а в 1958 г. Петр Иванович был принят в Союз писателей СССР и отправлен на Высшие литературные курсы в Москву. В шестидесятом году, вернувшись из столицы, молодой поэт много и плодотворно работал. Одна за другой вышли его книги: «*О тех, кому нет еще двадцати*», «*Потомки Корчагина*», «*Ломается лед*» — 1965 г., «*Три дня в гостях у Аллы*» — 1968 г., «*Горячий ключ*», «*Настоящее*» — 1974 г., «*Тропа золотоискателя*» — 1983 г., «*Первозданность*» — 1989 г., «*Свойство жизни*» и другие — пятнадцать полновесных книг издано за два десятка лет! С огромным успехом проходят выступления поэта в самых разных аудиториях — от полевого стана до научной библиотеки. Читателя в его поэзии привлекает правда жизни, образный язык, яркая экспрессия и предельная искренность. Сложная, насыщенная судьба поэта получила выражение в стихах — большинство из них автобиографичны. Несколько больших поэм выстроены на конкретных житейских историях. Большое место в творчестве занимает тема сибирской природы, любовная лирика, есть произведения для детей и юношества. Последняя книга

Петра Ивановича, его лебединая песня — роман в стихах «Второе крещение» — 1997 г. На трехстах страницах поэт рассказывает свою судьбу, вобравшую в себя революцию, гражданскую войну, коллективизацию, Великую Отечественную войну и сталинские лагеря. Двенадцать с половиной лет (с 1981 г.) он прожил в Ярославской области. Его стихи выходили в Иркутске, Москве, Ярославле, в местной и столичной прессе. О творчестве поэта писали известные критики, отмечая высокий лиризм, проникновенность, исповедальность его стихов. Среди них такие известные имена, как И. Фоянков, П. Забелин, Е. Жилкина, И. Новокрещенных, В. Владимиров и ряд других. В последние годы Петр Иванович много болел, перенес несколько инфарктов. Трагически погиб его взрослый сын. Мешала бытовая неустроенность. Но ничто не могло сломить этого человека — до последнего дня он оставался верен литературе. В столе у поэта остались несколько пьес, роман в стихах и новая повесть о Вампилове. За два дня до смерти, уже не в силах выйти из дома, Петр Иванович высказался по телефону за прием в писательскую организацию молодого поэта. Мнение его оказалось решающим — для положительного заключения как раз не хватало одного голоса. Таким образом, Петр Иванович благословил на служение литературе нового автора. Несмотря на тяготы жизни, трудную судьбу и жесточайшие испытания последних лет, Петр Иванович Реутский не закрылся от внешнего мира. Он до конца оставался со своими читателями. Его душа была открыта для общения и добрых дел. Траурная панихида состоялась 22 мая 2004 года в Доме литераторов на ул. Степана Разина.

Вспоминайте меня весело...

Осень

Умереть не страшно —
Страшно не родиться,
Под рябиной рясной
Белый пар клубится.

Так же шли туманы
Пеленою белой.
Опустел без мамы
Дом осиротелый.

Зеленеет озимь,
Спят холмы нагие.
Шлёпаются оземь
Яблоки тугие.

Зябко и беззвёздно,
Страшно выйти в сени.
Поздно, слишком поздно
Матерей мы ценим.

С проводов, с деревьев
Шлёпаются капли,
Плачут за деревней
Вымокшие цапли.

Что же мне не спится?
Печь трещит под боком.
Страшно мне напиться
В доме одиноком.

Пастухи отару
Гонят по-над Доном,
Я живу на пару
С одиноким домом.

Надо мне, чтоб в двери
Тихо постучали.
Пусть никто не верит,
Будто я печален.

Дом не дом — избушка,
Где будильник тикал,
Здесь вот мать-старушка
Отходила тихо.

Просто иногда мне
Хочется поплакать.
На дороге давней
Слякоть, слякоть, слякоть...

Тихо над рекою
Крячет уток стая.
Жизнь люблю такую,
Есть она какая,

Доброй, бесшабашной —
Что кому годится.
Жизнь прожить не страшно,
Страшно не родиться.

9 мая

Женщина погибшего на фронте
Спит у железнодорожных касс.
Вы её, пожалуйста, не троньте.
Пусть она не беспокоит вас.

И лежит у ног её послушно
Старый пёс, не видевший войны.
На людей он смотрит равнодушно
Со своей собачьей стороны.

Слышите, гремит салют в столице,
Как гремел он много лет назад.
Москвичей улыбочивые лица
Смотрят на торжественный парад.

Что бы там такое ни сказали,
Разве только высунет язык.
Он привык к ночёвкам на вокзале
И к причудам женщины привык.

Женщина сидит в тени от флага,
Завернувшись в шалевый платок.
На коленях — фронтовая фляга,
В ней, должно, спасительный глоток.

Всё, как есть — на свете понимая,
Одного лишь старый пёс не знал:
Ну, зачем она с приходом мая
Каждый год приходит на вокзал?..

Сорок второй

Не назову счастливым детство,
Безрадостным не назову,
И не найду, куда мне деться
От дум, которыми живу.

Пораньше спать в углах мостились.
Не потому что света нет,
А потому что ночью снились
Хлеб довоенный и паштет.

Воспоминаний целый кузов
И в день, и в ночь идут ко мне.
Родился я в краю арбузов,
А вырос я в краю камней.

Однако сыт не будешь снами.
И утром вновь гудел наш дом.
Мать никогда не ела с нами,
Всё говорила: «Я потом...»

Смерть берегла меня упрямо.
Я не сидел бы среди вас,
Когда б не мать моя, не мама,
Меня спасавшая не раз.

И ты, привычка лет голодных,
Жила в ней до последних дней.
Ни модных шляп, ни туфель модных
Так и не видел я на ней.

Ты знаешь, что такое голод?
Ты знаешь только по кино.
Сорок второй. Январский холод.
Нет электричества — темно.

Не знали мы — «родные крошки» —
Последствий страшных той зимы...
Мать ела драчны из картошки,
А хлеб и сахар ели мы.

Мелочь

Пришел служивый человек
Из дальнего похода.
Он дома не был целый век,
Четыре долгих года.

Прошел с боями «крым и рым»,
Потом ещё полсвета,
Своим детишкам четверым
Принёс он власть Советов.

Уселись дети на диван,
Как на пенёк опята:
Наташка, Галька, Глеб, Иван, —
А это кто же, пятый?

Сидит двухлетний мужичок
Как равный среди равных.
Сползла слеза с небритых щёк,
Горячая, как раны.

Не верь, солдат, своим глазам.
И рад не рад служивый,

Что цел их дом, что цел он сам,
И все детишки живы.

Что также злится пёс цепной
У справного соседа?
Молчит солдат, большой ценой
Далась ему победа.

Солдат с соседом водку пьёт —
Ну что молва людская —
Попьёт, попьёт, жену попьёт,
Детишек приласкает.

Расти, малыш, твоя ль вина,
что год без урожая.
Так повелось: кому война,
Кому жена чужая.

Когда бы не было беды,
И счастья б не имелось.
Хватало б только всем еды,
А остальное — мелочь.

Гармонь

Стоит гармонь, забытая солдатом,
Саратовская истинно гармонь.
Солдат не расставался с ней когда-то,
И как она вздыхала — только тронь.

О чем она, болезная, скучала?
В ней было что-то тайное, своё,
Солдат был ранен в руку у причала,
Осколком поцарапало её.

Солдат пришел с войны в сорок четвертом
Слезой и лаской встретила жена.
Он в жизнь вступил уверенно и твёрдо,
Да жаль, гармонь солдату не нужна.

Но он её не продаёт, не дарит.
Солдат гармонь поставил на покой.
Лишь иногда слегка по ней ударит
Единственной левою рукой.

Среди зимы

Я весь в долгах, не утаю.
Они кругом, я ими маюсь.
Как мало людям отдаю,
И очень много занимаю.

Я занимаю доброту,
Пусть тот заём еще продлится.

По белу свету побреду,
Чтоб добротою поделиться.

Я обойду знакомых всех,
Спрошу, кому и сколько должен.
И знаю, кто-то скажет: «Дожил»,
И выдворит в ночи на снег.

Валентину Распутину

Замерзну я среди зимы.
Ну что ж, как нам диктует старость,
И это надо брать взаимы,
Чтоб в людях меньше зла осталось.

Приняв, его я не отдам
Друзьям или кому другому.

Скорей проклятию предам,
Чем отнесу к чужому дому.

Знакомы мне и грусть и смех,
Добро и зло. Но больше в свете
Тех, кто как близкого приветит,
Не отошлёт в ночи на снег.

Триптих

Памяти Александра Вампилова

1

Все на свете до поры, до срока,
И никто не знает, где тот срок.
Расплескался широко-широко
Ангары стремительный исток.

И уходит август перезревший...
Как природа-мать ни берегла,
Он сгорел, теплом своим согревши
Эти золотые берега.

Всякий лист по-своему сгорает.
Сумерками тянет от горы,
И уже последний луч играет
На волнах кипящей Ангары.

Ночью здесь и холодно и дико.
Затрещал костер, таежный друг,
Будто бы жарками и гвоздикой,
Бликами усыпал все вокруг.

Ты гори, гори, костер, до срока,
До поры до утренней гори.
Вот и солнце — всей вселенной око —
Глянуло на нас из-за горы.

Все, как есть, уходит и приходит,
Чья-то лодка скрылась за мысок.
Снова день. И в жизни, и в природе
Есть всему своя пора и срок.

2

Вспоминайте меня весело,
Словом, так, каким я был.
Что ты, ива, ветви свесила,
Или я не долюбил?

Не хочу, чтоб грустным помнили.
Много песен дорогих,
Только песни, ветра полные,
Мне дороже всех других.

По земле ходил я в радости,
Я любил ее, как бог,
И никто мне в этой малости
Отказать уже не мог.

Все мое со мной останется —
И со мной, и на земле.
У кого-то сердце ранится
На моем родном селе.

Будут весны, будут зимы ли, —
Запевайте песнь мою!
Только я, мои любимые,
С вами больше не спою.

Что ты, ива, ветви свесила,
Или я не долюбил?
Вспоминайте меня весело,
Словом, так, каким я был.

О, нет! Не все уходит в землю,
 Что от земли к тебе пришло.
 В далеком небе звезды дремлют,
 А на земле грешным-грешно.

Но этот мир мне мил и дорог,
 Как наша пахотная Русь.
 Возьму лесного сена ворох,
 По шаткой лестнице взберусь.

Дед заворчит: проломишь крышу.
 А что, возьму и провалю.
 Но ничего уже не слышу —
 Летит звезда, и я люблю.

Я сроду не стремился к звездам
 И не читал про звезды книг,
 Но вот — мир, может, так и создан —
 С годами думаю о них.

Бывает, целыми ночами
 Сиж у неба на виду.
 Уже немало за плечами,
 Пора искать свою звезду.

Ведь все для всех — земля и небо,
 Пускай не поровну, но всем
 Глоток воды, краюха хлеба,
 Который с детства честно ем.

Тепла и радости побольше,
 Всего, с чем мы привыкли жить.
 Ищи звезду свою подольше,
 И тут никак нельзя спешить.

Я миру звезд безмолвно внемлю,
 Жду радости, но не беды.
 Не покидайте, люди, землю,
 Не отыскав своей звезды.

Волкодав

Его глаза на угольки похожи,
 В которых еле теплится огонь,
 Всю жизнь свою он лаял на прохожих,
 Всю жизнь лизал хозяину ладонь,

Валялся по-собачьи у порога,
 По целым дням не требуя еды,
 Бежал на зов охотничьего рога,
 Вынюхивал звериные следы.

А годы шли. Менял хозяин шляпы,
 Сменил немало курток и сапог...
 И вот у пса отяжелели лапы,
 Звериный след унюхать он не мог.

И стали вдруг глаза его похожи
 На угольки, потухшие давно.
 Он по ночам не лает на прохожих —
 Ему теперь, должно быть, все равно.

И старый пес февральской темной ночью
 Ушел в тайгу знакомою тропой.
 За дальним логом встретил стаю волчью
 И яростно вступил в последний бой.

Три пасти враз вцепились в шкуру псовью,
 Сплелись в клубок и лапы и хвосты.
 Февральский снег покрылся волчьей кровью,
 Собачья шерсть осела на кусты.

Пес слышал зов охотничьего рога,
 Но не за жизнь терял он кровь свою.
 Он не хотел подохнуть у порога,
 Хотел, как верный пес, упасть в бою.

Когда хозяин, взяв свою двустволку,
 В мороз без шапки прибежал в тайгу,
 Упрямый пес, вцепившись в горло волку,
 Лежал очоленевший на снегу.